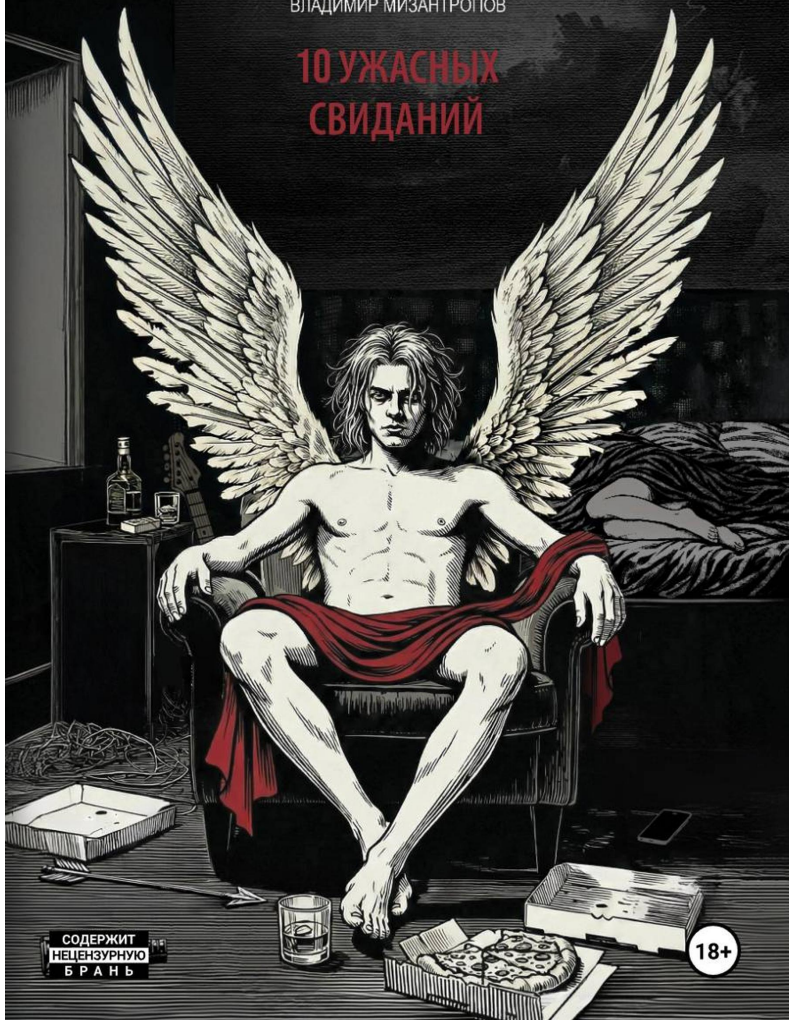

ВЛАДИМИР МИЗАНТРОПОВ

10 УЖАСНЫХ СВИДАНИЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владимир Мизантропов

10 ужасных свиданий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73306028

SelfPub; 2026

Аннотация

Три лонг-айленда, десять свайпов вправо и экзистенциальный кризис. Хорошенько взбалтываем и получаем эту книгу.

Это не пособие по пикапу и не исповедь ловеласа. Это безжалостно честный, циничный и местами болезненно смешной портрет поколения, которое разучилось любить.

Между текилой и тиндером, Бали и Москвой, страстью и пустотой – история о том, как мы ищем спасения в тех, кто не может нас спасти, и о мужестве посмотреть в лицо тому, что остается, когда все маски сброшены.

Содержание

Пролог	6
1. Даша и легенда № 17	11
2. Анна и жертва	18
3. Катя и Хэнк Муди	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Владимир Мизантропов

10 ужасных свиданий

Когда рукопись «10 ужасных свиданий» попала к нам, мы ожидали легких ироничных зарисовок. Но с первых страниц стало ясно – под слоем цинизма скрывается настоящая исповедь поколения.

Десять глав – десять исповедей. Это мощный, многослойный и горький текст. Он гораздо больше, чем сборник «ужасных свиданий» – это детальный портрет поколенческой травмы, попытка диагностики собственной души через призму провальных отношений и блестящая литературная игра с формами искренности.

А финальный полифонический эпилог, где героини обретают голос, – это не просто структурный ход, но и глубоко этическое высказывание о природе памяти и правды.

Язык автора – это отдельная удача. В нем нет лишних слов, зато есть точность, которая ранит и исцеляет одновременно.

Мы верим, что эта книга найдет своего читателя. Не того, кто ищет развлечения, а того, кто ищет разговора по душам. Спасибо, что доверили нам свою историю. Мы считаем ее очень нужной, попадающей точно в нерв нашего времени.

С уважением,

команда Агентства литературного редактирования Лены

* * *

Дорогая представительница моей коллекции ошибок, если в этих историях ты узнаешь себя – поздравляю: вчерашний коктейль был лишним. Прежде чем звонить адвокату, погугли «художественный вымысел». Эти истории – как твои клятвы в вечной любви: эксцентричны, эмоциональны и не имеют отношения к реальности. Это fiction, детка.

P.S. Нет, в той главе не про тебя. Все персонажи вымышлены, все совпадения случайны.

P.P.S. Ах, да, прости – я преступно умолчал об идеальной коже, философских взглядах и хобби героини. Благодарю, что заметила: видимо, фокус рассказчика в тот вечер был смещен на что-то иное. Или на кого-то.

С любовью и безграничным уважением к прекрасной половине человечества, Владимир Мизантропов

*Посвящается гласу рассудка, который кричал
«Беги!», пока я заказывал второй лонг-айленд.*

Пролог

Девяностые. Я выглядывал во двор из окна своей маленькой комнаты в надежде увидеть Женю. Веселую милую девочку с разбитой коленкой. Мы жили в соседних подъездах. Увидев ее, я тут же выбегал на улицу. Мы дружили – катались на великах, бегали, строили шалаши из картонных коробок, делились взятой без спроса жвачкой «Love is...» Однажды, когда стемнело и нас позвали домой, мы задержались у подъезда.

Пахло сиреню и ромашками. Тополиный пух кружился в воздухе. Скрип качелей все еще доносился с детской площадки. Разноголосый гомон из открытых окон: сериалы, футбольные матчи, чьи-то ссоры и смех – все это сливалось в один жизненный шум. Женя посмотрела на меня своими огромными глазами и вдруг быстро-быстро, пока никто не видел, чмокнула в щеку. Ее губы были мягкие и чуть липкие от сока. Потом она просто развернулась и убежала домой. Я прижал ладонь к щеке и с дурацкой улыбкой смотрел вслед убегающей девочке.

Через неделю их семья переехала. От кого-то я узнал – в другой микрорайон. Для меня это была другая планета, но я сел на свой велосипед «Школьник» и отправлялся на поиски Жени. Я заезжал во все дворы, какие только попадались на пути. Притормаживал у каждой детской площадки,

вглядывался в каждого ребенка на качелях. Я не знал адреса, просто ездил и верил, что обязательно увижу ее. Иногда казалось, что я слышу ее смех за углом – и сердце останавливалось. Но это всегда была не она. Я искал ее все лето, пока не понял, что есть потери, которые не вернуть, даже если очень быстро крутить педали.

Сейчас можно было бы ее найти за пять минут – по одному лишь запросу в соцсетях. А маленький я, на велосипеде колесящий по чужим дворам, надеялся: девочка Женя обязательно отыщется и снова чмокнет меня в щеку.

Этот мальчик верил в чудеса. Но стал частью поколения, которое верит в транзакции, лайки и тренды. Поколения, которое помнит и любит мир без интернета, но уже не может без него пообедать. Мы те, кто мог сойти с ума от тоски по девушке, потому что нельзя было обменяться стикерами с сердечком в два часа ночи. И мы же те, кто забыли цену настоящим эмоциям, собственноручно их обесценив.

И даже сама эта мысль стала настолько банальной, что кажется годной разве что для очередного шортса, который мы лайкнем, но не досмотрим до конца.

Мы – поколение – биологический анахронизм. Цифровые тела с аналоговой душой. Нас разрывает: одной ногой в вечных ценностях, другой – в бессмысленном хаосе, что завораживал с экранов яркой, чужой и манящей жизнью, в которой мы так и не смогли найти свою опору.

Мы учились на развалинах одного мира и бежали в подво-

ротни другого, рождавшегося прямо на наших глазах. И эти подворотни нас не воспитывали, а давали понять на практике: не «люби ближнего», а «не верь никому», не «будь смелым», а «умей увернуться», не «мечтай», а «смотри, куда идешь». В школах бедные учителя еще рассказывали о трудах Тургенева, но уже без надежды достучаться до детей, которые каждую перемену выбегают покурить за углом. Знающих вальс Евгения Дога, но слушающих «Сектор газа» и «Многоточие». И детство пахло не пирогами, а дымом дешевых сигарет и пылью с рынка, где родители торговали тем, что бабушка хранила для потомков.

Мы засыпали не под подкасты, а под ссоры за стеной и крики со двора, доносившиеся сквозь старые деревянные рамы окон. Видели, как рушатся системы, семьи, карьеры, и сделали единственный вывод: нельзя быть наивными. Нельзя вкладываться в то, что может сгореть, обесцениться или просто пройти, как любовь. Наш цинизм – не поза, а единственный известный способ не сойти с ума.

Теперь мы в три клика находим квартиру, работу, отношения. Но не строим – мы арендуем. Жизнь с пометкой «временно». А цинизм служит прикрытием дыры в душе. Работаем, чтобы купить себе побольше анестезии. Красивой, брендовой, вкусной. Чтобы забить пустоту, ту самую, доставшуюся в наследство от поколения, которое так и не нашло слов объяснить нам, что происходит. Да они и сами не знали.

И вот мы здесь. В стерильных отремонтированных квар-

тирах-студиях, с идеально отлаженными механизмами по добыче ресурсов и симуляции жизни. У нас есть все. И нет ничего. Мы – первое поколение, которое может купить себе то, чего было лишено в детстве, и обнаружить, что ни одна из этих вещей не делает нас счастливее.

Мы – поколение-призрак. Мы существуем в режиме перманентного апгрейда, потому что боимся остаться наедине со своим старым, аналоговым, неисправным «я». Тем самым ребенком из девяностых, все еще ждущим взрослого, который наконец войдет в комнату и объяснит, как жить. И этот ребенок не хочет знать, что взрослых никогда не было. Они такие же испуганные дети, пытающиеся сделать вид, будто знают, что делают.

И у них мы научились делать вид. Делать вид, что нам не одиноко, что наша работа – это «призвание». Делать вид, что нам весело на праздниках, где мы с одинаковыми пустыми улыбками поднимаем бокалы за чужой успех, который нас абсолютно не волнует. Мы мастерски изображаем, что у нас все под контролем. Что «прокачиваем скиллы», «инвестируем в себя» и «расширяем горизонты». На деле же – лихорадочно коллекционируем курсы, абонементы в спортзал и айфоны последней модели, заглушая панику ребенка, слышавшего ночью ссору родителей за стеной. Мы стали виртуозами по созданию видимости осмысленной жизни, за которой скрывается один и тот же вопросительный знак, растущий, как метастаз.

И этот спектакль — наша единственная защита. Потому что если остановиться, если выключить музыку, убрать телефон и закрыть все вкладки на компьютере, останется только собственное отражение в черном экране монитора. И улыбка, которую уже не отличить от гримасы боли.

1. Даша и легенда № 17

Пока в стране гремели новые хиты про деньги, политики и демагоги рвали глотки в эфире, а футболисты отбивались от волны всенародной ненависти после провального чемпионата, я листал Тиндер. Это был мой способ оставаться на связи с миром. Или наоборот – окончательно от него отключиться. Я уже и сам не понимал.

Загрузив свои лучшие фотографии – где-то улыбался, где-то на пафосе – ждал, когда кто-нибудь выберет понравившуюся упаковку. Так я нашел Дашу. Как у многих «мастеров соблазнения», у меня была готовая комбинация из двух-трех сообщений. Суть сводилась к следующему: «Привет, я недавно расстался с девушкой, ничего серьезного не ищу...» Расстался я, конечно, давно, но такая позиция казалась мне честной, отсекающей нецелевую аудиторию. И никаких потом претензий в духе «ты забыл про наш месяц», потому что этих «месяцев», как и моей способности помнить даты, не существовало.

С Дашей схема сработала на удивление четко. Она оказалась не из робких, и ее ответ прилетел почти мгновенно: «С чего ты взял, что мне нужны эти твои серьезные отношения?» Уже через пару минут мы обсуждали размер моего члена. Ее позиция была бескомпромиссной: «Если у тебя маленький, давай не будем тратить время». Раз уж ее прио-

ритеты расставлены по такому примитивному принципу, я решил не усложнять. Скромно развеял сомнения девушки и, пока искал линейку, договорился с ней о встрече, чтобы посмотреть друг на друга вживую.

Темнело. Мы медленно кружили по небольшому скверу где-то в Замоскворечье. От стен старых домов еще исходило накопленное за день тепло. В кронах декоративных лип зажигались первые фонари. Романтичная картинка... на которую нам было абсолютно плевать – мы решали сугубо бытовой вопрос поиска квартиры для логического продолжения вечера.

В то время я жил с родителями уже полгода и своего угла для подобных встреч у меня не было. Но Даша дала понять: «Ты, как мужчина, должен взять на себя ответственность и решить эту проблему». И я решил: уговорил ее поехать к ней.

На самом деле настаивать долго не пришлось. Достаточно было лишь слегка направить ее мысли в нужное русло. Убедительным тоном сказать, что это самый безопасный для нее вариант. Она на своей территории, в комфорте и привычной контролируемой обстановке. Даша согласилась, но обозначила несколько строгих условий.

Она жила в центре Москвы, снимала комнату в квартире с малознакомыми соседками. Поскольку заехала недавно, приводить кого-то на ночь стеснялась. «Если увидят, подумают, что я шлюха, которая таскает мужиков», – примерно

так она это объясняла. Для Даши было крайне важно, чтобы меня никто не увидел. Мне предстояло стать тенью: бесшумной, как безрукий барабанщик, и незаметной, как яйца старика в сказке о золотой рыбке.

Мы прокрались в темную прихожую почти ночью. В просторной «трешке» с минимальным ремонтом на ощупь сняли обувь и добрались до комнаты. Там мы пили пиво и болтали о чем-то – нельзя просто так взять и заняться сексом. Но мы пили не для расслабления, а чтобы хоть на пару часов притвориться уверенными. Хотя бы сыграть в близость.

Пока Даша отвечала на чье-то сообщение в Телеграме, мой взгляд упал на полку над ее столом. Среди баночек с косметикой, пачек со стиками IQOS и пустых банок из-под энергетиков стоял детский кубок по художественной гимнастике. Верхушка была отколота и почти незаметно приклеена обратно. Он выглядел как артефакт из другого мира, затерявшийся в этом хаосе взрослой, нарочито грубой жизни.

– Красивый? – она заметила направление моего взгляда. – Мама в чемодан засунула, когда я уезжала. Сказала: напоминать будет.

– О победах?

– О них самых, ага, – она спрятала эмоции за улыбкой, откладывая телефон в сторону. – А еще о том, что, если усердно трудиться, то можно побеждать на соревнованиях, представлять область, очаровывать судей, выступая в блестящем купальнике под «Реквием по мечте»... и все равно оказаться

здесь. Пей давай, чего уставился.

Даша отхлебнула прямо из горла, ее взгляд на секунду задержался на кубке. В нем не было ностальгии – только холодное, привычное отчуждение. Казалось, она ненавидит этот предмет, но не может выбросить. Это был не трофей, а памятник ее прошлому, в котором она жила своей мечтой. Мы сменили тему.

Через какое-то время я захотел в туалет. Спросил у Даши полотенце, чтобы заодно принять душ. Она отнекивалась: мол, вдруг кто-нибудь выйдет и увидит меня. Но я, уже изрядно пьяный, настоял.

Холодная вода не протрезвила. Я вытерся, намотал полотенце на бедра, тихо вышел из ванной в темный коридор и застыл. Память о том, какая дверь нужна, смыло ледяным душем. Но мне повезло: за одной из них послышался тихий шум. «Точно Даша, все остальные наверняка уже спят», – решил я и направился на этот звук.

Приоткрыл дверь и шагнул внутрь темной комнаты. «О, серьезно? – пронеслось в голове. – Выключила свет для атмосферы и подготовила эротический сюрприз?» Во мраке лишь экран ноутбука давал яркий свет, мешающий рассмотреть пространство вокруг. Через пару секунд картина прояснилась, как раз в тот момент, когда я уже вошел и закрыл дверь. «Кажется, эротического сюрприза не будет – будет просто сюрприз», – под учащающееся сердцебиение включилась голова. Девушка меня не ждала, не знала, и звали ее

не Даша. Лежа под одеялом, она смотрела на меня в возмущенном недоумении и с немым вопросом: «Ты кто?» Вопрос резонный...

Себя я потерял на финальной бутылке пива или еще на свайпе вправо и поэтому начал прикидывать варианты спасательной операции. Включить омежку и молча смыться, быстро перебирая ногами. Включить юмориста и спросить, как пройти в библиотеку. Включить альфаха и поинтересоваться, не хочет ли она стать третьей. Или включить подонка и проспойлерить финал «Игры престолов». Но я не сделал ничего. Просто поднял руку в глупом приветствии и брякнул: «Привет».

Выглядело это невероятно тупо. Ладно бы в парке или в метро. Но тут в комнату, где она уже в кровати, вламывается незнакомый мужик в одном полотенце, и что он ей говорит... «Привет?» Она не пошевелила и пальцем, только уставилась на меня выпученными глазами. А я – на нее. Искра? Буря? Безумие? Неловкость. Ступор. Слабоумие. Следующее, что видела девушка, как тот самый незнакомый полуголый мужик неловко помялся и потянулся к ручке. Дверь не открывалась. Схватился за нее двумя руками, и полотенце упало. Идиот. Нервно подняв его и с трудом сообразив, что ручку нужно крутить в другую сторону, я вывалился наружу. И отбил себе фейспалм до отпечатка на лице.

Следующая дверь была правильной. Я вошел к Даше, улыбаясь как debil. На что получил справедливое замечание:

«Ты debil?» Она пристально смотрела на меня, мы молчали еще несколько секунд, а потом она все поняла и отбила себе фейспалм такой силы, что чуть не отлетели наклеенные ресницы. В тот момент мы понимали друг друга без слов, снимая мишуру образов: я – идиот, она – дура.

И мы стали пить. Пить и трахаться. Но, как показывает практика, это сочетание работает только в кино: там герои страстно падают на кровать, а в жизни вы просто падаете. Тут стоит вернуться к разговору о размерах. Скажу так: если бы я был фильмом, то «Легендой номер 17». Но утром Даша совершенно некстати упомянула своего бывшего, который был бы «Номером 23».

Друг позвонил, пока я возвращался домой по вылизанным, идеально красивым улицам, будто их готовили к показу президенту со всей его свитой.

– Слушай, нас этот... Не помню, как его зовут, короче, тот странненький друг Лехи на какую-то выставку тащит, говорит, окультуриться нам надо. Ты за?

– Какая вам, маргиналам, выставка, берите билеты «Спартак – ЦСКА» на вираж и не выебывайтесь, – ответил я, оглядываясь на проходящую мимо стильную девушку.

– Понял. Короче, напишу ему «плюс один». Как там у тебя? Встретился с той, у которой фотки прикольные?

По тону было слышно, будто друг надеялся, что у меня с ней не получилось.

– Ага, и заодно с ее подружкой. Не понравился ни первой,

ни второй, – пожал я плечами, хотя по лицу у меня бродила улыбка.

– Я в тебе не сомневался, но ты рассказывай.

– Да нечего рассказывать. Попробовал – не подошло – дальше.

– А подробности? Что ты как обувь примерил сходил.

– Ну, нормальная девушка со своими тараканами.

– И все? Ты вообще деревянный?

– Славик, не пизди. Я говорю, как вижу, мне больше нечего добавить.

– А что радостный такой тогда, если вы не подошли друг другу?

Мне показалось, он хотел, чтобы я грустил от этого факта.

– Да как-то все честнее сегодня, чем вчера, свободнее.

– Что честнее? Ничего не понял. Короче, мы на встрече пить будем, жена сказала, что больше не хочет слушать нытье этого бобыля про одиночество, как все просто, комфортно, но бессмысленно.

– Какого бобыля? У тебя жена что при Николае II родилась? В общем, я не виноват. Ну не везет мне с девушками...

Связь прервалась на входе в метро.

2. Анна и жертва

Встреча с друзьями началась спокойно. Мы пошли в бар, потому что это был единственный известный нам ритуал, который оправдывал совместное присутствие. Алкоголь остался не целью, а социальным клеем. После, к моему сожалению, нас понесло на выставку картин какой-то представительницы высшего света. Там собрались якобы сливки общества: разодетые напыщенные старперы с не менее разодетыми душными и надменными женами. Не хватало только раздать всем по моноклю и предложить каре ягненка.

Единственный из нас, кто не чувствовал себя плебеем среди господ, был мой приятель Константин. Он же – единственный, кто внятно потом прокомментировал работы с выставки: «Когда чувства вымирают, искусство превращается в крик. И чем тише становится душа, тем громче должны быть картины». Не знаю, его это фраза или нет, но мне запомнилась, звучит интересно.

Шазам услышал «Вальс цветов» Чайковского. Мое утонченное эстетическое чувство было атаковано одной из картин, на которой доминировал весьма абстрактный, но не оставляющий сомнений мужской половой орган внушительных размеров. И то ли взгляд у меня был мечтательный, то ли завистливый, но он привлек аристократичной наружности девушку. Она поравнялась со мной и, глядя на полотно,

произнесла:

– Хотела бы я посмотреть на человека, с которого это писали.

– Я бы тоже с удовольствием позировал для кого-нибудь, – с самоуверенной ухмылкой сказал я.

– Да что вы, не все подходят для этой роли, – с самоуверенной ухмылкой сказала она.

– Да какой там талант нужен? Съел пару таблеток, чтобы не потерять формы, и жди, пока художник закончит.

– А я думаю, не все так просто, нужен очень даже большой... талант, – она смерила меня взглядом гинеколога, диагностирующего хламидиоз.

Я начал накидывать в голове варианты: включить альфа-ча и наврать, что у меня такой же огромный член, как и на картине; включить труса, фыркнуть, закатывая глаза, и уйти; или включить правдоруба и признаться в несостоятельности тягаться с картиной. Я включил затупка и не выдал ни слова. Девушка-аристократ с грудью первого размера удовлетворенно усмехнулась, развернулась и ушла. А я почувствовал жгучее желание сделать обрезание тому члену на стене.

Я вернулся к друзьям. Они стояли рядом с изображением безраздельно властвующей над партнером женщины. Самый пьяный из них был до слез расстроен – его только что бросили по телефону. Второй в топе опьянения решил его подбодрить заученным воодушевляющим монологом Стал-

лоне. И так проникновенно, что бафф боевого духа подействовал и на меня. Во мне проснулись чувство несправедливости, жажда мести и праведный гнев!

И я решил отомстить за своего приятеля всем женщинам разом, выбрав мишенью надменную богатенькую любительницу больших членов, посмевавшую задеть мое мужское достоинство. Подняв подбородок и выпятив грудь колесом, я двинулся в атаку, ведомый реваншистскими настроениями.

Спустя несколько недель, убегая от избившей меня агрессивной мужеподобной женщины, я, пьяный, блюющий и голый, буду жалеть об этом. Но речь Сталлоне в исполнении Славика воодушевила бы на подвиги даже бомжей с Ярославского вокзала.

Какое-то время я незаметно наблюдал за ней, проводя разведку. И когда цель приблизилась к картине с огромной шикарной грудью, я понял – это мой шанс на контрнаступление!

– О, какая потрясающая работа, – почти уверенно заявил я, глядя на полотно. Да, на нашей войне приматов проигрывал и был унижен тот, кто не имел выдающихся половых признаков. И в таком контрасте с шедевром моя соперница выглядела беззащитной. Она медленно повернула голову. На лице ее читалась безысходность и понимание: после ее атаки у большого члена я зол и готов к контрнаступлению. Ее положение было похоже на последние дни Гитлера в бункере, последние минуты капитана «Титаника» и, наконец, последние секунды Джоффри перед смертью.

Я продолжал:

– Какие линии, какие мазки! А какова натурщица! – сделал паузу, чтобы это не выглядело грубой местью, и дал ей шанс ответить. Но она молчала. Был слышен лишь скрежет зубов, превращенных гневом в тиски, да хруст пальцев, сжимающихся в кулаки. – Нет, нет, определенно, нужен просто огромный талант, чтобы так позировать! Прямо талант, помноженный на два.

В глубине души я надеялся, что после моих слов мы рас смеемся и признаем, что это просто игра, и на самом деле нам совсем не обидны попытки унижить друг друга. Конечно, я ошибался, посмеялась только она.

– Ты охуел? – вежливо осведомилась она.

– В смысле? Э-э-э... – опешив, я что-то промямлил.

– Ты что о себе возомнил? – ее голос становился громче с каждым словом. – Решил, что можешь вот так просто подойти и оскорблять меня? – она перешла на крик: – Кто вообще пустил сюда это быдло?! Олег, что ты смотришь, выведи его отсюда!

Под осуждающие взгляды псевдокультурных псевдоаристократов, надменные гримасы бомонда и хихиканье друзей-дебилов охранник выдворил меня с этого светского и крайне омерзительного мероприятия. Я не вырубил Олега прямо там только из уважения к его возрасту и еще потому, что он был вдвое больше меня.

Через пять минут вслед за мной выкинули все смеющееся

быдло – и друзья присоединились ко мне. Они объяснили, что сучка без чувства юмора – автор и организатор этой, в самом прямом смысле, хуевой выставки.

В баре напротив играл шикарный «Hold On I'm Coming», и мы решили продолжить веселье. В этом деле я преуспевал, был просто великолепен и уже через час переходил на стадию «тебе нужен секс во что бы то ни стало!»

Трубку взяла моя давняя знакомая – Зоя, или, как я ее называл за IQ комнатной температуры, «МезоЗоя». Зато у нее были другие сильные стороны – она умела глубоко и с самоотдачей погружаться в дело с головой.

– Привет! – ответил мне приятный женский голос.

– Привет, ты как, чем занимаешься?

– Я с подружкой в баре каком-то. А тебе что опять потрахаться захотелось?

Если на провокационный вопрос сложно найти ответ, правильное всего его проигнорировать. Так собеседник поймет, что ты дружелюбно настроен и не хочешь его задеть.

– Не все понял, тут так шумно. Я тоже в баре сижу и тоже с другом. Остальные разошлись. Его девушка бросила, пытаюсь взбодрить страдальца, но, по ходу, делаю только хуже. Может, у нас троих что-нибудь получится?

– В смысле, а я тут при чем? – Как и большинство, она не хотела казаться легкодоступной, хотя все поняла: я звоню не для разговоров о трендах в быти-индустрии.

– Ну, встретились бы вчетвером. Я давно хотел позвонить.

И, думаю, неспроста, что ты с подругой, а я с другом в баре без компании противоположного пола...

– Ночью.

– Да, ночью. Ну что? Мы угощаем.

– А вы где сидите?

«Да, блять!» – отбивалось от стен черепа теннисным мячиком.

– Да мы тут, недалеко от Тверской. А вы где? – спросил я, поддерживая друга, падающего с барного стула.

– Да ладно, мы тоже у Тверской! Будет прикольно, если мы еще и в одном месте.

Я начал незаметно озираться. В темном, набитом людьми баре было непросто кого-то найти. Мы двинулись вглубь, к диванчикам с кальянами, подошли к последнему столику у углу. Лицом ко мне сидела Зоя, я узнал ее по афро. Ее подружку разглядеть не успел...

Вряд ли можно переоценить важность первого впечатления. Я это знал. Уже поправил волосы, натянул самую сногшибательную улыбку из всех своих улыбок, выпрямил спину и попытался излучать уверенность. Но мой неменяемый приятель, бормоча что-то про «блять» и «всех баб», споткнулся, схватился за меня, и мы с грохотом и матом повалились прямо под столик моей знакомой и ее подружки.

Мне было так тепло и уютно лежать под этим столом, укрываясь безнадежно обмякшим телом друга. Шли минуты, часы и дни. Внешний мир оказался слишком громким,

чтобы слышать себя. А в моем была гармония. Побулькивал кальян у меня перед лицом. Сквозь дым я видел, как две пары стройных ног в чулках то расходились, то смыкались вновь, гипнотизируя, как маятник. Витал легкий запах пролитого красного полусладкого. Музыка била где-то снаружи. Не в моем мире. В моем были умиротворение и покой. Пока я не осознал, что пару секунд назад ударился головой об столешницу.

Удивительно, но мой второй пилот уже пытался меня поднять. Я встал и, отряхиваясь, искал в пострадавшей голове шутку, чтобы сгладить неловкий момент, но ничего там не нашел, кроме самой идиотской улыбки из всех моих улыбок. Через мгновение я с трудом сфокусировал взгляд на Зоинной подруге. Сучка с выставки сидела, закинув ногу на ногу, и поигрывала мундштуком кальяна. На ее лице застыли все тот же надменный взгляд и едкая ухмылка, как и пару часов назад. Она выдохнула дым в мою сторону, и я готов был поспорить на печень своего друга, что он сложился в слово «loser».

«Каков пиздец!» – подвел я итог вечера. Есть незыблемое правило: когда ее подруга смотрит на тебя, как на клопа на белой простыне, считай, лифт на твой эротический небоскреб застрял между этажами. Если, конечно, речь не о каких-то высоких чувствах. Но осознание этого мне помогло. Смекнув, что мне уже ни хрена не светит, я расслабился и перестал что-либо из себя изображать. Эта естественность

сыграла мне на руку.

После нашего эксцентричного появления было видно, что Зое стало стыдно за нас перед подругой. Она, отводя взгляд, пробормотала:

– Аня, это вот...

– Ага, привет, Анна, очень приятно, – перебил я.

– А что вы так смотрите друг на друга? Вы знакомы? – спросила Зоя.

– Нет, просто видел рекламу какой-то выставки в «запрет-граме», и лицо Анны показалось знакомым, – соврал я.

– Да, Аня – крутая художница! Она рисует обалденские картины всякие.

– Да что ты! И какого же рода картины? – спросил я, глядя на Анну, непринужденно потягивающую кальян.

– Ну, всякие там, разные, я даже ей как-то позировала.

– Как интересно. Анна, а Расскажи о себе?

Она улыбнулась, допила то, что оставалось в фужере. Мы с другом заказали дамам еще бутылку вина, а себе – пиво.

– Я Аня, художница, как вы, возможно, догадались. Но это хобби. Я занимаюсь раскруткой брендов. В выходные встречаюсь с подругами и иногда организую выставки, – она наконец посмотрела на меня. – Люблю талантливых и вежливых людей и не люблю быдло. – Казалось, что к ее надменному взгляду и очаровательной улыбке, заставившей меня машинально проверить карманы, вот-вот добавятся клыки и змеиный язык.

Я парировал:

– А я люблю быдло. Точнее, смотря кого так называть. Если мы о тупых высерках из глубинки в дутых куртках, шапках «Россия» и с пацанскими цитатами в соцсетях – это потрясающие простые и прямолинейные люди. С ними не нужно гадать, что у них на уме. А вот с учтивыми, вежливыми и приличными – понятия не имеешь, какое дерьмо они выкинут в следующий момент. – Я ткнул локтем своего безнадежно пьяного приятеля.

– Согласен полностью! – подтвердил он, еле выговаривая эти сложные слова.

Дальше каждую минуту мы с Анной пытались уколоть друг друга. У меня получалось плохо, у нее – отлично. Но мой здоровый пофигизм был выкручен на максимум, я не пытался ей понравиться, и она, конечно, это заметила.

Исчезли Анна, друг, Зоя, бар. Я проснулся дома от ударов Царь-колокола в голову, звуков бензопилы и солнечных лучей, прожигающих глаза до остатков проспиртованного мозга.

Прошло пару недель. Я сидел дома перед монитором и пытался работать. Ютуб на втором экране часто сменяющимися кадрами боролся за мое внимание. Уведомления в телефоне делали вид, что в них очень важная информация. Музыка из колонки кричала о любви. Я устал придумывать, что бы такого написать Анне, и просто предложил встретиться. В ответном сообщении были время и адрес.

Стемнело. Метров за сто до страшного трехэтажного особняка в стиле между ренессансом и барокко был слышен «Священный рейв» ATL. Волнение по неизвестной причине усиливалось. Сердце учащенно билось, а напряжение нарастало с каждым шагом. По пути меня толкнула плечом какая-то злая заплаканная девушка с телосложением моего фитнес-тренера. Я не упал только благодаря стоящему рядом забору.

Двери во двор и в дом были распахнуты. Спотыкаясь о пустые бутылки, коробки из-под пиццы и разбросанные предметы интерьера, я вошел в темную гостиную с тяжелой на вид люстрой, огромным камином, резной мебелью и прочими атрибутами шикарной жизни. На рояле, под слоем пыли, лежал раскрытый альбом для эскизов. Проходя мимо, я успел разглядеть на левой странице несколько записей счетов за клининг, ритуальные услуги и доставку чего-то. На правой – детский рисунок, сделанный карандашом: солнце с лучиками, домик, два человечка – большой и маленький – держащиеся за руки. Подпись корявым почерком: «Мама и я».

На крутой лестнице под дых мне ударил тяжелый запах курительной смеси, тумана дистиллированной воды и глицерина, сладкого парфюма и духоты. Басы с каждым ударом на секунду погружали уши на десять метров под воду. Второй этаж усилил эффект. Будто в слоумо, я повернул в комнату, мерцающую в темноте светомузыкой, вбивающую терп-

кие дымы в нос и оглушающую. В центре на огромной кровати с прожженным шелковым бельем в вечернем платье, отражающем разноцветные огни, с бутылкой «Экстра Аньехо», закрыв глаза, танцевала Анна.

Есть люди, которые впускают тебя в свою жизнь так, что твоя собственная воля будто угасает. С самого начала было ясно: это не про нас двоих, а про ее сценарий. Осталось только решить, до какой степени я готов в нем играть.

Не зная, как себя вести, я решил притвориться, что все в порядке вещей, и вошел. На столе рядом с красной трубочкой и неровной дорожкой какого-то белого порошка дымилась вручную скрученная сигарета.

Я рос в девяностые, во время героинового апокалипсиса, и видел, во что он превращал людей. Родители воспитали во мне отторжение к любым наркотикам. Но, зайдя в комнату, я столкнулся с той самой эстетикой саморазрушения – будто попал в грязный кадр Дэнни Бойла. Я спутал фильм с реальностью, решив, что эта атмосфера – тот самый романтизированный рок-н-ролл, о котором все знают, но никто не пробовал. Мысль, что можно снять напряжение с помощью нестандартных методов, переступив через себя, обернулась единственно верной иллюзией. О последствиях я тогда долго не думал.

Анна, словно почувствовав меня, открыла глаза с огромными зрачками. Не медля ни секунды, она улыбнулась, взяла меня за руку и повалила на кровать.

Презерватив. Ее тело. Скользящий шелк. Пот. В какой-то момент я заметил, что двигаюсь не так, как хочу, а так, как требует ее дыхание. Будто она дышит за двоих. Фейерверк высоко за окном бил в ритм музыке и вспышками проникал в нашу любовную сцену. Сразу после того, как он стих, Анна оттолкнула меня в сторону, ее движения стали резкими, механическими. Она потянулась к подносу с белым порошком и таблетками, похожими на аспирин.

Минут через десять активного употребления всего, что было на подносе, на столе, в шкафчиках и подушке, я действительно провалился в кино. Но в самое дешевое, бессмысленное и жесткое. Никакого намека на рок-н-ролл – один лишь ритуал самоуничтожения. Реальность начала облупливаться, как старая краска, обнажая пугающую, мерцающую пикселями изнанку.

Время спуталось в клубок. Красивое лицо Анны расплылось в зыбкую массу, а зрачки стали похожи на черные дыры, поглощающие свет. Казалось, и меня. Музыка не звучала – она ввинчивалась в виски, вытесняя мысли. Каждое прикосновение влажной кожи, каждый вдох, больше похожий на спазм, затягивали глубже – в осязаемый, чужой вакуум.

Глитч. Сознание сыпалось тысячами пикселей. Вдох. На секунду я стал героем сцены, которую кто-то несправедливо вырезал из рилса и оставил на таймлайне пиратского софта. Вдох. Анна предстала передо мной в образе невыносимо прекрасного суккуба. Не открывая рта, она говорила на ка-

ком-то неизвестном языке. Но я понимал смысл этих слов: «Чем больше хаоса вокруг, тем легче. Хаос – и есть жизнь. Отдайся хаосу». Все поплыло. Комната погрузилась в воду, стены стали ветошью, как и я. Пустота...

Челюсть вдруг заболела, палец на руке ужасно ныл, по голове били уже не басы «Billy» 6IX9INE, а чьи-то кулаки. Взгляд сфокусировался на мужеподобном чудовище, толкнувшем меня на подходе к дому. Теперь оно с яростью барабанщика Slipknot стучало по мне руками и ногами. Эндорфиновую эйфорию сменил ужас. Он мгновенно, вирусом, проник в каждую клетку. Паника все сделала за меня: тело само вскочило с кровати, схватило первую попавшуюся одежду и, несколько раз упав, вынеслось на улицу.

За воротами я осознал, что уже утро и я абсолютно голый. В руках оказались моя рубашка и домашние шорты Анны с трусиками внутри. Одеваться было некогда, за мной гналось чудовище. И вот по дороге под аккомпанемент сигналов машин бежал голый, побитый, испуганный, бородатый мужик с женскими трусами в руках. Я немного оторвался, обернулся и увидел, как в меня летит мой же телефон. Это был прощальный синяк, оставленный на моей голове чудовищем.

Я кое-как натянул женские шорты, надел рубашку и начал блевать на тот самый забор, в который какое-то время назад меня чуть не впечатала эта страшная, стероидная, разгневанная «девушка». Думаю, в шоу «Пацанки» она бы прошла без кастинга. Кажется, Зоя упоминала про то, что Анна

живет не одна, но я был пьян и не придал этому значения.

Телефон был разбит. Как и лицо. В отражении его потрескавшегося экрана я выглядел так же, как и чувствовал себя, – как избитая проститутка. В таком виде я зайцем проехал пол-Москвы на трамвае, метро и электричке до Щелково. Единственные, кто на меня обратили внимание, – и я был этому несказанно рад – пара бездомных собак. Да здравствует безразличие! Никаких больше выставок, в другой раз идем на футбол.

Следующий день я пролежал в кровати в состоянии, промежуточном между похмельем и посттравматическим синдромом. Странное ощущение: будто человек, которым я был вчера ночью, умер где-то в трипе, а я сегодняшний – его призрачное продолжение. В какой-то момент меня поразила мысль, что это оказался не только ее хаос. Я сам выбрал шагнуть внутрь, словно чужая жизнь могла заменить мою, если достаточно в нее вжаться.

Волнение давно вернулось и накатывало с новой силой. Я мог и откинуться от неизвестных веществ, меня могла сбить машина, пока я бежал, могли принять менты на обратном пути, могла прибить чокнутая психопатка. Хотя я даже не уверен, была ли она вообще на самом деле. Правильно мама говорила: «Наркотики до добра не доведут. Все, беги за хлебом, сынок. И шапку надеть не забудь».

Итог прекрасен: богемную суку не впечатлил, зато прохожих – вполне. Наверняка ее коллекция картин пополнится

работой с изображением голого бегущего по улице мужика. А подпишет она этот шедевр так: «Бежал, когда надо было остановиться».

Однажды мы с друзьями сидели в баре. На стенах, как часто бывает в таких заведениях, висели мониторы, где крутят клипы. Заиграл 6IX9INE – я вышел, включил SunSay в наушниках и направился домой.

3. Катя и Хэнк Муди

Глаза резало ярким утренним светом из окна. Он заливал комнату, не давая сфокусировать взгляд. Голова тонула в большой мягкой подушке. Запах готовящейся еды был аппетитным, но провоцировал рвотный рефлекс. С усилием, достойным викинга, я поймал контраст, настроил фокус и узрел прекрасную валькирию. Ее силуэт был едва различим в солнечных лучах. Грациозный, аки прыжок Фенрира, изгиб талии свидетельствовал о женственности, а широкие бедра, словно доспехи, вызывали трепет и уважение. Чарующая дева гипнотизирующе двигалась в шаманском танце у костра. И ритм этот приказывал не моргать, и даже мир затаил дыхание.

После того, как я потер глаза костяшками пальцев и дал себе бодрящую пощечину, голова перестала напоминать баскетбольный мяч. Сон отступал, и валькирия медленно превращалась в девушку, которая готовила у плиты, подпевая «Shape Of You» Ed Sheeran.

«Я где вообще? Кажется, хочу пить. Если не сделаю глоток, то вернусь домой на щите... Где мои трусы? Как собрать мозги в кучу? Да выключи ты эту музыку».

Я как будто существовал вчера в видео с плохим монтажом: фриз, рваные картинки и переход без смысла. Жажда заставила сесть. Пятая точка подозрительно болела. При-

крывшись одеялом, я аккуратно покрутил головой. Зрение понемногу адаптировалось.

«Черт, ненавижу утро после пьянки – оно честно говорит о вчерашнем. Я боюсь этого сильнее любого похмелья. На ней что, моя рубашка? Точно, моя рубашка и больше ничего. Надо поздороваться». И голосом поперхнувшегося Джигурды я прохрипел: «Воды!»

«Блять, я же хотел сказать «привет»!»

Она обернулась и указала подбородком на тумбочку, где стоял стакан с водой. Слава Одину, я ее узнал. Это была Катя, моя коллега. В то время я работал в GameDev-компании, которая занималась разработкой игр и самой надоедливой на свете рекламы этих игр.

«О, да! Вкуснейшая вода в жизни. Еще!»

– Еще воды? – понимая мое состояние, спросила Катя. Ее голос вдруг изменился – в нем появилось что-то слишком настоящее. На фоне моего утреннего раздолбанного состояния это звучало почти неприлично.

– Да, спасибо.

Она наливала воду, ехидно улыбаясь.

– А чего ты такая радостная, как будто пурген подсыпала? – резонно поинтересовался я.

– Просто хорошее настроение, – Катя села рядом и протянула стакан. Она смотрела так, словно пыталась сверить меня с версией, которая была ночью.

– Честно говоря, не могу разделить твой утренний пози-

тив, — я взял трясущимися руками стакан и залпом опустошил его.

— Совсем плохо? — по ее сочувствующему выражению лица было ясно, что выгляжу я также отвратительно, как и чувствую себя.

— В башке будто концерт Rammstein, а я валяюсь затоптанный под динамиком.

— А ты чего ждал, когда смешивал весь алкоголь, который был на корпорате?

— Что мне не будут сниться эротические сны в сеттинге скандинавской мифологии. Слушай, если честно, я не то чтобы очень помню вчерашнее, и есть вопросы. Главный — у меня кое-что болит, и это не кажется мне привычным.

— А ты не помнишь тех двух мускулистых мальчиков, которые с нами ночью были?

Мои брови нахмурились, взгляд застыл, пытаюсь помочь убитому похмельем мозгу вспомнить этих «мальчиков». Я окаменел и, кажется, даже дышать перестал. Катя смотрела на меня, и ее губы против воли расплывались в улыбке. Через минуту она сдалась:

— Да ладно, расслабься, шучу я. Ты грохнулся на бордюр, когда в такси садился.

Скрывая облегчение, я посмотрел ей в глаза и с мертвой серьезностью произнес:

— Никогда не шути так, женщина.

— Так и быть. К счастью, у тебя все в порядке с ориентаци-

ей. Местами даже слишком, – Катя подошла к плите. – Почему вам, мужикам, нравится спать с женщинами в возрасте? – Она сделала музыку немного тише.

– Ты о чем вообще?

– С удовольствием расскажу. Ты трахнул маму Олега, если помнишь такого, а потом ему об этом рассказал. Ну, как? Каково это – переспать с мамой коллеги?

Я отвел взгляд, нахмурил брови и в попытках вспомнить хоть что-то начал судорожно теребить два оставшихся в живых синапса. Прошелся с металлоискателем по каждой нейронной связи, вгрызаясь в грунт памяти изо всех сил. Я копал, как гном Мории, как пират сокровища. Но нашел в голове только заводную обезьянку, стучащую в тарелки, и все мои жалкие потуги привели лишь к вздувшейся венке на виске.

– А про наш спор помнишь? – Она выпила стакан воды, в котором шипела таблетка.

– Мы с тобой на что-то спорили?

– Да, и ты, кстати, победил.

– И что же я выиграл? – спросил я, надеясь на хоть что-то приятное этим утром.

– Ты уже это получил, – она улыбнулась.

– Имеешь в виду, что мы с тобой...

– Странный вопрос. Ты просыпаешься голый в постели у девушки и сомневаешься, что переспал с ней?

– Знаешь, есть подобный опыт, – мне вспомнился случай,

от которого затошнило еще сильнее. Страхнув дурные воспоминания, я продолжил: – Ну и мы почти не знакомы, я только знаю тебя в лицо. Помню, что тебя зовут Катя, и ты работаешь... Я даже не знаю, чем ты в компании занимаешься. Короче, мы с тобой не общались почти никогда, вот я и подумал...

– Вот вчера и «пообщались». Теперь ты понимаешь почему я улыбаюсь? По сравнению с моим последним разом полгода назад, ты был прямо-таки на коне.

– По сравнению с моим обычным состоянием, сейчас я в жопе коня. Видео «общения» есть? – пытался пошутить я.

– Видео есть, где ты приставал к девчонкам из арт-отдела и HR, завалил дурацкими шутками бедного парнишку из отдела разработки, признался в любви руководителю, ужасно танцевал под «Пошлую Молли» и... подрался с Олегом.

– Пиздец, – я закрыл глаза и опустил голову.

– Да ладно тебе, не так все страшно, – она сделала паузу и улыбнулась, – все еще страшнее. Короче, вставай, иди в душ. Сейчас будем завтракать. Полотенце возьмешь розовое на сушилке, твои вещи там же. И вот, держи свою рубашку.

– Слушаюсь, прекрасная Брунгильда.

Без тени стеснения она сняла рубашку и кинула мне. Я постарался не пялиться. Она заметила и усмехнулась:

– Можешь не смущаться, я планирую еще немного «пообщаться» с тобой, прежде чем ты уедешь. А неловкие взгляды будем ловить уже потом, в офисе у кулера.

...Не представляя, как в таком состоянии можно заниматься сексом, я ушел в душ.

— Слушай, я есть не буду, может, у тебя найдется минералка или что-то вроде того? — Я вернулся в комнату, вытирая мокрые волосы.

— В холодильнике, — Катя уже доедала тортилью.

Я взял бутылку и сел за стол.

— Так, рассказывай все по порядку...

Офис. Большие пространства, заставленные столами с компьютерами и гиковскими атрибутами: фигурками супергероев, стикерами персонажей из игр на макбуках, вейпами и прочим хламом. Недоеденная пицца, гирлянды в виде пенисов, разноцветные волосы. В воздухе звучала либеральная «свобода» и отсылки к мемам в каждом втором слове. А вместе с тем наигранная искренность и притворная открытость.

Не моя атмосфера, но это работа. Сначала я терпел, потом забил, а затем, прямо как Билл «Прихлоп» Тернер, превратился в часть команды, часть корабля. Смеялся над несмешными шутками и всячески пытался показать неестественное естественным. Здесь же иногда устраивали корпоративы. После них появлялись бесчисленные сплетни, ничем не подкрепленные восторги и откровенно выдуманные истории. Многие поговаривали, что на наших вечеринках все напиваются в сопли и происходит вакханалия, распущенность, настоящие Содом и Гоморра.

На деле же большинство расходилось довольно рано, а ес-

ли кто-то и был изрядно пьян, то таких набиралось всего пара-тройка человек, из которых пара-тройка притворялись. Весь разврат заканчивался на том, что Саша чмокнул Лену в щечку. Это заметила Маша и раструбила всем своим подружкам, как они чуть ли не трахнулись при всех, а потом заперлись в туалете. И для перчинки добавляла, что пробыли там целых полторы минуты. Бедный Саша. В общем, в пересказах все обростало невероятными подробностями, и ожидания от вечеринки никогда не оправдывались. Обычно в толпе я существовал только в отражениях чужих реакций, и в этот раз мне отчаянно хотелось верить в настоящее безудержное веселье. Я знал, что ни к чему хорошему это не приведет, но принял волевое решение убиться синим так, чтобы мне надолго запомнилось это мероприятие. Противоречий я тут не заметил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.